

яго ў часопісе “Полымя”, другі нумар якога, як раз прысвячаўся гісторыі горада.

А ў лісце ад 29.06.1974 Г. Штыхаў паведамляе, што артыкул Г. Лебедзева пра Віцебск будзе надрукаваны ў часопісе “Весці АН БССР” №4. Артыкул і сапраўды быў надрукаваны [Штыхаў, Г.В. Старажытны горад на Віцьбе / Г.В. Штыхаў, Г.П. Лебедзеў // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1974. – № 4. – С. 42-48].

З дапамогай сааўтара Уладзіміра Балеслававіча Мартусевіча Г.Лебедзеў намагаўся выдаць кнігу ў Маскве, але нічога не атрымалася. Мартусевіч заўчасна памёр. Таму яго імя выкрэслена з тытульнага ліста рукапіса. Ад сяброўскай перапіскі ў архіве Г.Лебедзева захаваліся толькі канверты з Маскоўскім і Ленінградскім адрасам Мартусевіча, саміх лістоў няма.

Заклучэнне. Геннадзь Лебедзеў скончыў Віцебскае мастацка-графічнае педвучылішча (1959), факультэт тэорыі і гісторыі мастацтваў Інстытута жывапісу, скульптуры і архітэктуры ім. І.Я.Рэпіна Акадэміі мастацтваў СССР (1980). Даследаваў творчасць Ф.Скарыны, старажытна-беларускае мастацтва і сучаснае мастацкае жыццё. Таму цікаваць да спадчыны Генадзя Лебедзева сапраўдная данніна павагі чалавеку улюбёнаму ў гісторыю мастацтва роднага краю і менавіта горада Віцебска.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ АСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

*Л.В. Лукина
Витебск, УО «ВГАВМ»*

К исторической памяти обращаются историки, социологи, культурологи, писатели, политики. Устная традиция передачи информации о прошлом характеризуется тем, что интерпретируются возможности познания отдаляющегося времени. Воспоминания о прошлых событиях, как установили исследователи, воспроизводятся через призму настоящего. С естественным уходом людей – современников исторических событий историческая память меняется, приобретает новые оттенки, становясь более «наполненной» реальностями сегодняшнего дня, и со временем политически и идеологически актуализируясь. Так, у древних греков Мнемозина была одновременно богиней и памяти и воображения.

Материал и методы. Основатель теории исторической памяти французский социолог Морис Хальбвакс, автор, широко востребованного в гуманитарных науках, труда «Коллективная память». Сущность предложенной им гипотезы состоит в том, что история и историческая память по ряду позиций противоположны: «История обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-то фиксировать. Поэтому потребность написать историю того или иного периода, общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя много свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание» [3, с. 22].

Результаты и их обсуждение. Коллективная историческая память отличается от истории, согласно Хальбваксу, двумя ведущими чертами. Во-первых, в исторической памяти нет строгих делений на периоды, схемы, присущих исторической науке. Историческая память «конечна», она «умирает» с естественным уходом тех социальных групп, которые являлись ее непосредственными или ближайшими носителями. Во-вторых, если история как наука стремится к универ-

сальности, и при всех делениях на национальные истории или истории по периодам, есть только одна история, то одновременно существуют несколько вариантов коллективной памяти. Это определяется одновременным существованием многих социальных институтов и коллективов – таких, как семья, религия, класс, и в жизни человек оказывается связанным не с одним, а многими из них. «У каждой из этих групп, – пишет Хальбвакс, – своя история. В ней можно различить фигуры и события. Но поражает нас то, что в памяти, тем не менее, на передний план выступают сходства. Рассматривая свое прошлое, группа чувствует, что она осталась той же, и осознает свою самотождественность во временном измерении... Но группа, живущая прежде всего для самой себя, стремится увековечить те чувства и образы, которые составляют материю ее мысли»[3, с.26].

Морис Хальбвакс высказал глубокую идею об исторической памяти как важнейшем факторе самоидентификации социальной, этнической или любой другой группы, подчеркнув значение мест памяти (мнемонических мест). Посещение мнемонических мест и связанные с этим ритуалы – один из самых действенных способов развития исторической памяти.

Важностью «идентификационной» функции исторической памяти объясняется растущий интерес к прошлому в современном белорусском обществе, и просматривающееся стремление облечь его в символические и ритуальные формы. Наибольшее значение для сохранения единства национального самосознания для белорусского народа имеет историческая память о Великой Отечественной войне как память о Великой Победе. Определенный социальный смысл имеют переосмысление памяти становления и развития белорусских земель, историко-культурных ценностей белорусов. В исторической памяти нуждаются те социальные группы, чьи этнические, религиозные, культурные устремления не имели прежде широкого распространения. Неслучайным в этом отношении является интерес к памяти о православных святых и подвижниках, находящий выражение в форме паломничества по святым местам. Приведенные примеры не являются исключением в нашей современной жизни, хотя зачастую и не всегда осознаем, что в основе теоретического осмысления этих явлений лежит концепция исторической памяти. И многозначность понятия «историческая память» является одним из факторов, определяющих его востребованность в современном гуманитарном знании.

Обращение к теме исторической памяти усилилось после Второй мировой войны непосредственно под влиянием этого трагического события в истории прошлого века. Течение постмодернизма в философии выступило интеллектуальным фактором усилившим интерес к исторической памяти. По отношению к истории один из создателей постмодернизма Мишель Фуко применял понятие «контрпамять», подразумевая, что историки не стремятся к объективному знанию, а обслуживают власть, «конструируя» историю в рамках современных им дискурсов. Постмодернистская идея о том, что реальной истории не существует, а есть только конструируемые в историографии, как некоем научном обсуждении, образы прошлого, оказывает значительное влияние на многих историков. Так, понятие «образ», ранее применимый в основном в художественном произведении, а сегодня широко используемый в исторических исследованиях.

Интеллектуальной предпосылкой исторической памяти является и обращение к изучению ментальности как системы коллективных представлений, существовавших в прошлом. Линия культурно-исторических исследований исторической памяти, воплощена в книге английского ученого Ф. Йейтс «Искусство памяти» (1966 г.) [2]. В древнегреческой традиции основателем искусства памяти, как части риторики, считался поэт Симонид Кеосский, полагавший, что для развития

способности памяти следует «отобрать места и сформировать мысленные образы тех вещей, которые хотят запомнить, а затем расположить эти образы на местах так, что порядок мест будет хранить порядок вещей» [4, с. 97]. Сотрудники музеев знают, что четкий порядок проведения экскурсии, расположения экспонатов позволяют «организовывать» экскурсию, «извлекая» из памяти и передавая слушателям информацию о прошлом. Среди источников развития концепции исторической памяти и работы по устной истории, которые приобрели признание во второй половине-конце XX века.

Традиционная историческая наука отдает безусловный приоритет письменным историческим источникам. Вместе с тем, под влиянием субъективистской критики, показавшей, что любой письменный текст является интерпретацией, используются устные свидетельства. В устной истории важнейшим способом «взаимодействия» с прошлым является соби́рание воспоминаний, их хранение и интерпретация. Методы устной истории предполагают междисциплинарное сотрудничество с психологией, педагогикой и социологией. Фактором развития устной истории явился отход от взгляда на историю как «высокой» политики и возросший интерес к повседневности, понимание, что история – это не только сильные мира сего, но и «молчаливое большинство». Это большинство оставило после себя мало письменных источников, но обращение к их воспоминаниям о событиях отдаленных во времени открывает в историографии новую перспективу. Примером использования устной истории являются, как вариант проектной деятельности, конкурсы творческих работ учащихся и студентов по социально-гуманитарным наукам, позволяющие восстановить память об исторических событиях во многих случаях не только с использованием материалов архивов, но и на основе сбора и анализа воспоминаний участников памятных дат, событий.

Заключение. Теория исторической памяти динамично развивается. Ее прикладной характер находит выражение в ряде существующих практик социального воспитания молодежи. В концепции исторической памяти просматривается основа для разработки музейной педагогики, педагогики мнемонических мест, устной истории, проектной технологии и других способов педагогической деятельности, востребованных в процессе обучения.

Список литературы

1. История и память / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.
2. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. – С. 22, 26.
4. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. – С. 97.
5. Хмелевская Ю.Ю. О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века. Челябинск, 2004.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

*З.И. Макаревич
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Религиозная культура является неотъемлемой составляющей мировоззренческой и культурной идентичности личности, социальной группы, выражающих принадлежность или предпочтительное отношение к той или иной религии, религиозной конфессии. Культурологами и психологами личностная идентичность